

УДК 94(575.2):(=512.154)

ЭТНОНИМ “КЫРГЫЗ” В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Г.Д. Данильченко

Рассматриваются вопросы теории исторического нарратива и интерпретация этнонима “кыргыз” на примере нарративных компонентов произведений русской литературы XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: исторический нарратив; межкультурное взаимодействие; литературные источники; кыргызы; Запад – Восток; интерпретация.

ETHNONYM «KYRGYZ» IN A CONTEXT OF HISTORICAL NARRATIVE

G.D. Danilchenko

Theory questions of historical narrative and interpretation of ethnonym «Kyrgyz» are considered on the example of narrative components of the Russian literature works of the XVIII – the beginning of the XIX centuries.

Key words: historical narrative; cross-cultural interaction; references; the Kyrgyz; West and East; interpretation.

Нарратив (с лат. *narratio* – рассказ, повествование) представляет собой универсальную характеристику этнокультур, которые аккумулируют и транслируют собственный опыт и системы смыслов посредством нарративов, запечатленных в мифах, легендах, сказках, драмах и трагедиях, эпосе, историях, рассказах [1, с. 414; 2; 3, с. 387–422; 4; 5].

Электронные словари и справочники дают различные толкования этого понятия, из которых к наиболее популярным можно отнести следующие.

Нарратив (англ. и фр. *narrative*) – исторически и культурно обоснованная интерпретация некоторого аспекта мира с определенной позиции. В литературе нарратив – это линейное изложение фактов и событий в литературном произведении [6; 7].

О. Гуцуляк в своем определении указывает на своеобразие того текста, который можно считать нарративом: “...это определенным образом структурированный текст, рационально-прагматическое, но тесно связанное с эмоционально-интуитивной сферой жизни высказывание (рассказ, история) вместе с социально-культурной практикой, к которой оно принадлежит и которую несет в себе” [8].

Б.Т. Койчубев, рассуждая о генезисе слова, подчеркивает, что оно “включает в себя две составляющие: выражение мнения говорящего и мир, отображаемый им. С этой точки зрения текст, проговариваемый или письменно зафиксированный людьми, является отражением точки зрения на мир, происходящие события, выражением эмоций. Можно, с долей условности, говорить, что любой текст есть своеобразный нарратив” [9, с. 367].

Нарратология в русском контексте – понятие, еще требующее серьезного теоретического обоснования, однако на сегодняшний день оно достаточно прочно укрепляет свои позиции в методологии. Современное знание позволяет утверждать, что нарративы не сводятся к простым рассказам, связанным только хронологическим измерением “прошлое – настоящее”, скорее, они предстают специфическим способом организации и распределения материала, который обеспечивает необходимый характер связи всех элементов повествования.

Истоки нарратологии как нового направления в исторической науке – в 70-х гг. XX в., о чем свидетельствует ряд монографий и статей того времени: А. Лоух “История как нарратив” (1969 г.), С. Бэнн “Круг исторического дискурса” (1970 г.), Х. Уайт “Метаистория” (1979 г.) и др.

Дискуссии о нарративе в истории можно проследить еще у историков античности. Например, Фукидид противопоставляет свою историю трудам Геродота, определяя свой метод словом “описывать”, а метод Геродота – словом “слагать”, объясняя, что современность превосходит своими деяниями деяния прошлого и возможно достичь цели научной историографии – правдиво описать их [10, с. 423].

Изучение нарратива в истории русской литературы, отразившей тему русско-кыргызских взаимоотношений, привело нас к пониманию того, насколько важно рассматривать функционирование различных форм исторически сложившихся отношений русского и кыргызского народов в контексте повествовательной природы литературного творчества.

Понятно, что исторический нарратив – это всегда опора на реальную ситуацию, требующую от исследователя-историка по возможности точной и глубокой интерпретации. Литератор, основываясь на исторических фактах, более свободно “играет” смыслами, представляя историю в форме литературы, что дает ему возможность рассказать о прошлом большому количеству людей различной этнической принадлежности более понятным языком.

Историческая наука и филология, как известно, базирующиеся на духовной культуре народов, изначально имеют общие истоки и долгое время развивались во взаимодействии. Литературоведение и историю сближает общий интерес к исследованию реальных объектов, произведений культуры.

Реконструкция истории “такой, какой она была”, воссоздание ее с помощью этнически выверенной теории и научных (истинных) методов – способов постижения, объяснения реальности, мифологизировалась и ритуализировалась в процессе объяснения окружающей событийности, что и определило жанр повествования. В одной из монографий, посвященных кыргызско-русским взаимоотношениям, академик В.М. Плоских исследует истоки тюрко-славянских контактов, опираясь на древнейшие архивные источники. Ученый предполагает, что отношения между Востоком и Западом, между славянским и тюркским мирами “растянулись на века, смешивая народы и культуры Востока и Запада” [11, с. 15]. Опираясь на документальные свидетельства как исторические нарративы прошлого, В.М. Плоских прослеживает взаимоотношения между русскими и вероятными предками кыргызов. Эти факты достаточно убедительны еще и потому, что ученый использует кроме архивных источников и произведения древнерусской литературы. “Слово о полку Игореве”, русские летописи времен Мономаха и Александра Невского, “Хождение за три моря” Афанасия Никитина и другие произведения включают свидетельства отношений русских с народами Востока, составной частью которых являлись и предки кыргызов. В.М. Плоских предполагает, что “кыргызско-русские отношения имеют более чем 250-летнюю историю – с момента первого переселения кыргызов сначала в Сибирь, а затем далее – в Поволжье в 1757 г. Это была первая группа принявших российское подданство и порвавшая все связи со своей “исторической родиной” кыргызов” [11, с. 23–24]. Данный факт, утверждает В.М. Плоских, долгое время не был известен историкам, как и материалы первого кыргызского посольства в Россию в 1725 г.

Первая делегация послов-кыргызов к Российской императрице Екатерине II оставила след

в русской литературе в виде исторического нарратива, нашедшего отражение в сказке императрицы о кыргызской царевне Фелице и царевиче Хлоре, написанной в 1781 г. Несколько позже этот нарратив реализовался в другом литературном произведении – известной оде Г.Р. Державина “Фелица”, в которой превозносятся замечательные качества Екатерины II, которая, “мурзам своим не подражая”, трудится день и ночь, заботясь о благе своих подданных. Для поэта, как и для самой императрицы, весьма важным представлялся факт включения в орбиту русской литературы упоминания о новом народе, желающем установить дружеские отношения с русскими. Устанавливалась связь между типом исторического нарратива и способом культурной коммуникации. Академик В.М. Плоских, рассматривая нарративные источники, содержащие материалы по кыргызско-русским взаимоотношениям, отмечает, что они могут привести к новым ценным находкам [12, с. 56–58].

Таким образом, предметом исследования известного историка становятся не только исторические документы, отчеты русских путешественников, открывших России и всему миру страны Востока, мемуарная литература, летописи, путешествия, но и произведения художественной литературы. Вся эта богатейшая информация и представляет собой нарративные источники, откуда черпаются сведения о народах и их взаимоотношениях.

Время выглядит как последовательность событий с постоянной отсылкой читателя к прошлому, на которое автор ориентируется, и по отношению к которому он располагает все события. “Безусловно, писатель пишет то, что диктует время, и у каждой цивилизации свой особый взгляд на самые великие ценности – мир и человек в нем” [13, с. 150]. Взаимосвязь истории и нарратива может осуществляться путем интеграции знаковых событий отечественной истории в современное этническое мировоззрение. Сложившийся нарратив имеет начало (общую ориентацию), середину (основной сюжет), конец (мораль – переход к настоящему). Таким образом создается впечатление о коммуникативности нарратива, включенности читателя в условную историю, в создаваемую реальность. Например, Ч. Айтматов писал: “Я не историк и не ученый. Но задумываться о прошлом, о связи времен необходимо: в известном смысле – мы все творцы истории” [14, с. 115].

Ценность нарратива заключается еще и в том, что он определяет не только форму, но и содержание истории, так как история рождается в ходе столкновения планов, включающих в себя цели, намерения этнических героев, народов с различными культурными традициями, обычаями, мировоззрением. Все

это и создает ситуацию задержки, приостановки, отклонения в осуществлении указанных планов и, как следствие, порождает неожиданность или непредвиденность результатов. Тем самым нарративное видение является особым способом видения и понимания произошедшего, а именно представлением его лишь в свете финала, что придает событиям ту уникальность и подвижность, которой и отличается история того или иного народа.

Нарративные источники жанрово многообразны. Как уже отмечалось выше, это не только исторические, но и литературные источники – от архивных документов до устных историй, художественных произведений и научных статей.

В начале XIX в. огромную значимость приобретают научные труды ориенталистов, исследовавших Восток. В начале 30-х гг. XIX в. в свет выходит книга А.И. Левшина “Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей”, в которой он разграничивает сведения о казахах от материалов о кыргызах, подчеркнув их подлинные самоназвания, и, обобщив, подтверждает достоверные свидетельства о тьянь-шаньских и енисейских кыргызах.

Значительным по научной ценности был вклад в русскую ориенталистику китаеведа отца Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Современные ученые Кыргызстана по достоинству оценили труды о. Иакинфа по истории и культуре бурутов – прямых предшественников современных кыргызов. Об этом пишут известные историки Кыргызстана В.М. Плоских, В.А. Воропаева, Д.Д. Джунушалиев. Так, В.А. Воропаева отмечает: “...как писал неоднократно Н.Я. Бичурин: калмыки, монголы и китайцы бурутами называли только киргизов. Далее, рядом с “кэргызцами” названы, как совсем другой народ, “киргиз-казаки”, или “казаки” (казахи). Сегодня учеными выяснено, что само написание имени народа – “кэргызец” – максимально близко подлинному самоназванию киргизов – “кыргыз” [15, с. 172, 216; 16].

Русские ориенталисты способствовали распространению знаний об истории Востока, проявлению интереса к литературно-художественным памятникам восточных народов. Исторические научные нарративы раскрывали перспективы дальнейшего изучения стран и народов Востока и, в том числе, кыргызов.

Накапливающиеся исторические сведения о восточных народах использовались писателями в качестве сюжетов литературных произведений, в частности, романтических. Сами эти сведения использовались в литературном процессе в качестве нарративных исторических источников, приобретая порой невероятную интерпретацию. Одним

из таких произведений ориентального романтизма является “Киргизский пленник” Н. Муравьева. Интерес к кыргызам в этот период, по мнению исследователей, отразился только в названии, ибо не было еще четкого представления о том, чем различаются кочевые племена, поэтому казахи и киргизы довольно часто отождествлялись как единый народ. Произведение Н. Муравьева, как и множество других текстов этого периода, можно отнести типологически к группам “пленники”, “гаремные поэмы” и “семейные драмы в экзотической обстановке”. В ряду этих произведений заслуживает внимания поэма Г. Зелинского “Киргиз”, которую перевел с польского писатель русского зарубежья Г. Гребенщиков [17]. Известный литературовед М.И. Фетисов утверждает, что героем поэмы явился казах. Казахи тогда назывались киргизами, и их аулы встречал Зелинский в окрестностях Ишима. “Киргиз”, свободолюбивый герой поэмы, прославлявшей идею вольности, стал здесь ее символом. В поэме повествуется о молодом казахе (киргизе), бежавшем из плена и нашедшем убежище в юрте убийцы его отца. Полюбив дочь своего кровного врага, он бежит вместе с ней от жестокого, мстительного старика; тогда старый бий зажигает сухую степь, и беглецы гибнут в пламени. Правда, не все этнографические подробности из жизни “киргизов” верны, однако события, о которых она повествует, вполне правдоподобны. В советское время известный литературовед и методист Л.А. Шейман, занимавшийся изучением творчества А.С. Пушкина, обратил внимание на литературный контекст связей русского и кыргызского народов и тщательно исследовал вопросы дифференциации кыргызского и казахского народов [18]. Отметим, что эта проблема была научно обоснована и решена в трудах кыргызстанских историков В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиева и В.А. Воропаевой.

Если повесть в стихах “Киргизский пленник” Н. Муравьева еще почти полностью повторяет сюжетную схему “Кавказского пленника” А.С. Пушкина, то уже в 30-е гг. появляется ряд произведений, намечающих более правдивое в этнографическом отношении изображение жителей киргиз-кайсацких степей. На страницах “Литературной газеты” 1830 г. обращалось внимание читателей на повесть А.П. Крюкова “Киргизский набег” и был опубликован отрывок из его же повести “Якуб-Батырь” [19, с. 233, 234]. “Литературная газета” по достоинству оценила и обстоятельный труд А.И. Левшина “Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей”, отрывки из которого печатались здесь под заглавием “Этнографические известия” еще до появления в печати всего сочинения в полном виде. В 1831 г. появился

“Киргиз-кайсак” В.А. Ушакова, еще позже – “Бикей и Мауляна” В.И. Даля и др.

М.И. Фетисов, подробно проанализировавший все эти произведения, видит их значение в том, что “они вводили читателей в незнакомый круг переживаний и представлений жителей степи, в своеобразную этнографическую обстановку их бытового уклада, утверждали уважение к ним. Ушаков и тем более Даль стремились показать отдельные типичные стороны народной казахской жизни” [20].

Следовательно, исторические нарративы находили отражение в русской литературе, в частности, “кыргызская тема”, которая заняла определенную нишу в художественных произведениях, которые обращались к новым, экзотическим для русской культуры, темам. Такой подход был характерен для русской литературы XVIII – начала XIX вв. Уже в середине XIX в. русская литература по-новому взглянула в сторону российского Востока, составной и полноправной частью которого стала и кыргызская земля с проживающим на ней населением. Это была новая, реалистическая литература, в которой нашли свое место и исторические нарративы.

Определенные социально-исторические условия взаимодействия России и Кыргызстана в те или иные периоды истории находили свое воплощение в виде различных проявлений исторического нарратива в контексте литературного творческого процесса.

Таким образом, нарративный подход в истории, являясь, прежде всего, главной составляющей творческого поиска, позволяет всестороннее исследовать изменения в духовной культуре народов. Нарратив как способ исследования может опираться не только на собственно исторические (архивные и документальные) источники, но также и на те материалы, которые представлены в фольклорных произведениях, художественной и мемуарной литературе.

Литература

1. Современный философский словарь / под общ. ред. проф. В.Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт; Париж; Люксембург; Москва; Минск, 2004.
2. *Рикер П.* Время и рассказ продолжается. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / П. Рикер. М.: СПб., 1998.
3. *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987.
4. *Пропт В.Я.* Морфология сказки / В.Я. Пропт. Л., 1928.
5. *Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. М., 1996.
6. URL: http://www.prostokniga.com.ua/spravochniki/knizhnye_terminy/id/89
7. URL: <http://literatura.kg/articles/?aid=852>
8. *Гуцуляк О.* О наррации и нарративных системах / О. Гуцуляк. URL: http://www.community.livejournal.com/ru_philosophy/334858.html
9. *Койчубев Б.Т.* Русская литература Кыргызстана начала XXI века как зеркало социального и духовно-нравственного состояния общества / Б.Т. Койчубев // Отражение событий современной истории в общественном сознании и отечественной литературе (1985–2000): Материалы научно-практической конференции 27–28 октября 2009 года / Фонд современной истории, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Академический учебно-научный центр РАН–МГУ–МГИМО. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
10. *Фукидид.* История / Фукидид. Л., 1981.
11. *Плоских В.М.* У истоков кыргызско-российских взаимоотношений (по архивным материалам (XVIII–XIX вв.)) / В.М. Плоских. Бишкек, 2013.
12. *Плоских В.М.* Киргизы и кокандское ханство / В.М. Плоских. Фрунзе, 1977.
13. *Рахманалиев Р.* Гений места: Эссе / Р. Рахманалиев // Реквием улетающей стаи: Чингиз Айтматов. Статьи, интервью и диалоги о творчестве Ч. Айтматова. Статьи и эссе. 1998–2003 гг. / сост. Л. Балиет. М., 2003.
14. *Юферова Я.* Мы должны преодолеть этнический эгоизм / Я. Юферова // Реквием улетающей стаи: Чингиз Айтматов. Статьи, интервью и диалоги о творчестве Ч. Айтматова. Статьи и эссе. 1998–2003 гг. / сост. Л. Балиет. М., 2003.
15. *Воропаева В.А.* Пока свободой горим... / В.А. Воропаева. Бишкек, 2006. С. 172, 216.
16. *Воропаева В.А.* История Отечества: Краткий курс лекций по истории Кыргызстана / В.А. Воропаева, Д.Д. Джунушалиев, В.М. Плоских; отв. ред. акад. А.Ч. Какеев. 4-е изд., доп. Бишкек: Раритет Инфо, 2008.
17. *Абдрахманов С.* Ханство Гребенщикова / С. Абдрахманов. URL: <http://forum.roerich.info>
18. *Шейман Л.А., Соронкулов Г.У.* Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина: Очерки / Л.А. Шейман, Г.У. Соронкулов. Бишкек, 1996.
19. *Исследователь Степного края. Избранные труды Н.Я. Коншина: факсимильное издание. Семей: ЦДНИ ВКО, 2009.*
20. *Фетисов М.И.* Литературные связи России и Казахстана. 30–50-е гг. XIX в. / М.И. Фетисов. М., 1956.